

На правах рукописи

РОГОЖНИКОВА Татьяна Павловна

**ЯЗЫК ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТОВ
КОНЦА XV - СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.
(НА МАТЕРИАЛЕ «МАКАРИЕВСКОГО ЦИКЛА»)**

Специальность 10.02.01 - русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2003

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор Колесов Владимир Викторович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Тарланов Замир Курбанович

доктор филологических наук, профессор Лысакова Ирина Павловна

доктор филологических наук, профессор Сороколетов Федор Павлович

Ведущая организация:

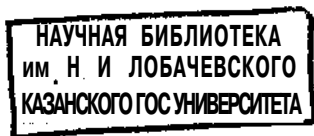
Литературный институт имени А. М. Горького (г. Москва)

Защита состоится 19 февраля 2004 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11,
филологический факультет СПбГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «8 » февраля 2004г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КП

0000017097

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

A handwritten signature in dark ink, appearing to be "С.А. Аверина".

С. А. Аверина

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу текстов «Макариевского цикла» - житий, созданных под покровительством митрополита Макария к канонизации святых на церковных соборах 1547-1549 гг. и, за исключением единичных случаев, вошедших в состав Великих Миней Четьих.

Жития святых с давних пор привлекали внимание исследователей как исторический и литературный источник [Ключевский, 1871; Яхонтов, 1881; Коноплев, 1885; Кадлубовский, 1902; Яблонский, 1908; Серебрянский, 1915; и др.]. В силу идеологических причин научный интерес к агиографии то угасал, перемещаясь на периферию исторических изысканий, то вновь оживлялся, когда жития из разряда церковной истории переводились в разряд гражданской и рассматривались затем как памятники древнерусской литературы [Адрианова-Перетц, 1964; Лихачев, 1858, 1962, 1967, 1973; и др.].

В. О. Ключевский в диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник» [Ключевский, 1871] рассмотрел эволюцию житийной литературы как органическую часть литературного процесса средневековья и предвосхитил этим будущие исследования по средневековой поэтике, ставшие отправным моментом для литературоведческого и лингвистического анализа.

Издание Археографической комиссией Великих Четьих Миней (до 1916 г.) с обширным корпусом житийных текстов тем не менее не привело к введению в научный оборот выделенного в составе свода еще В. О. Ключевским цикла житий, составленного под патронажем митрополита Макария. Между тем устранение агиографических текстов цикла - важного пласта русской литературы эпохи формирования русского национального языка - как конфессиональных обедняет фактологическую базу исследования истории литературы и литературного языка.

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, значимостью русской агиографии конца XV - середины XVI вв. как источника истории русского литературного языка, важностью исследования языка житийных текстов для построения полной истории русского литературного языка и недостаточной изученностью языка древнерусских житий этого периода, тогда как известно, что житие, появившееся на славянской почве из византийской культуры, оказалось наиболее устойчивым жанром вплоть до нового времени. Во-вторых, актуальность диссертации определяется тем, что в истории русского литературного языка XVI в. — время систематизации книжного языка, начавшегося осмысления нормативных практик и изменений в жанровой системе русской письменности, как показывают многочисленные исследования общелитературных и общекультурных процессов.

Цель и задачи работы. Цель исследования – на материале житийных текстов цикла показать стабильные и динамические языковые признаки проявления жанра и стиля; выявить механизм становления новых форм русского литературного языка XV-XVI вв. и роль житий в этом процессе, а также влияние изменяющегося мировоззрения, принципов составления житийных текстов и их собраний на формы языка.

Разноаспектностью языковых черт исследуемых текстов, сложной связью житийного языка с категориями жанра и стиля, отражением в исследуемых текстах представления о нормативном, а также взаимоотношениями узуса текста и системы языка определяются **задачи** исследования:

1. проанализировать языковые особенности текстов в отношении житийного канона на фоне распределения жанровых средств в литературе XVI в.;

2. в тематически (событийно) связанных житиях и редакциях одного текста выявить идентичные и сходные контексты, языковые разнотечения в них, определить природу разнотечений;

4. рассмотреть зависимость языковых признаков от информативного / неинформативного типа повествования в композиционных частях житий;

5. осуществить лингвистический анализ общих мест (топосов) в исследуемых житиях в плане их языковой статики и динамики;

6. установить релевантные языковые средства для выражения существенного признака в содержании понятия и выявить стилистические функции этих средств;

7. выявить специфику экспликации признака в содержании понятия в минейных житиях в сравнении с агиографией Епифания Премудрого;

8. охарактеризовать синтаксическую семантику и стилистические функции релевантных книжных грамматических признаков в житийном тексте, показав взаимодействие фактов динамической языковой системы и их функционирования.

Предмет исследования. Предметом исследования служат тексты житий в нескольких списках одной редакции, в разных редакциях, созданные до и во время активной деятельности круга митрополита Макария по централизации агиографического дела. Будучи синтезом житийного жанра и важной по объему и значимости частью Великих Миней Четых, избранный круг источников рассматривается в работе на историко-культурном фоне других обобщающих мероприятий середины XVI в. В отечественном историческом языкознании это время определяется как период стабилизации культуры, «центростремительный» по своей сути, в отличие от моментов смены культурных парадигм («центробежной силы») [Толстой, 1988]. Синтезирующий характер эпохи способствовал выработке инварианта жанра как текста с соответствующим набором универсальных языковых признаков.

Особую исследовательскую ценность в нашей работе представляет выделение рассмотренного круга житий как цикла. При этом под *циклом* понимается совокупность текстов, объединенных направляющей деятельностью митрополита Макария (внешний фактор) и жанровым единством (внутренний фактор). Известно, что цикл предполагает открытое множество при наличии общей идеи объединения текстов, что в отношении языка оборачивается синтезом языковых особенностей, различающихся не только генетически, хронологически, но и функционально. Текст в таком случае выступает как источник для углубленного функционального описания языковой системы.

Объект исследования. Не претендуя на исчерпывающее освещение проблем, связанных с языком и стилем макариевской агиографии, внимание в диссертационном исследовании сконцентрировано на приведенных в систему фактах функционирования наиболее показательных языковых и стилистических признаков житийного текста. Наиболее пристальное внимание уделяется гиперизмам, парным лексическим сочетаниям, словообразовательным моделям и меняющим свою продуктивность синтаксическим конструкциям. Ограничение объекта исследования релевантными чертами житийного языка позволяет выявить типичное в переработках ранних житий и житиях, вновь созданных по поручению митрополита Макария для ВМЧ. Объектом исследования в работе является также взаимодействие фактов языковой динамической системы и их функционирования в тексте в зависимости от его структуры, от текстовой стратегии автора, от традиции, от жанрообразующих этикетных параметров.

Методы исследования. Постановка проблемы требует многоуровневого и многоаспектного метода анализа. Общим по охвату объекта и предмета в настоящем исследовании является *историко-стилистический* анализ, оправдавший себя во времени применительно к разнообразным источникам [Виноградов, 1928, 1967, 1977, 1978 и др.; Филин, 1940, 1981, 1984 и др.; Ларин, 1974, 1975; Колесов, 1982, 1989, 1997 и др.; Тарланов, 1985; 1990, 1998; и др.].

Особое внимание специфике данного метода исследования в сравнении с исторической стилистикой как научной дисциплиной и научной парадигмой уделяет в своих работах З. К. Тарланов [Тарланов, 1990, 1995]. Он указывает на такую существенную черту метода, как его «надуровневый» («вершина иерархии языковых уровней»), «общефилологический» характер, описание языковых явлений в динамике, опора на «массовый материал», явление «активизации и расширения состава» определенных языковых структур [Тарланов, 1995, с. 155, 160].

Важно, что «историзм в исторической стилистике объемов, нелинеен: стилистические факты требуют контекста, границы которого могут быть расширены, в зависимости от целей стилистического анализа, до исторически отмеченных типов национальной культуры» [Тарланов, 1990, с. 11].

Историко-стилистический метод подразумевает, следовательно, применение *функционально-семантического* и *функционально-грамматического* методов в сочетании с *историко-семантическим*, *сравнительно-историческим* и *сопоставительным*, вытекающими из изучения истории функционирования языка в соответствующем культурно-историческом контексте.

Предмет исследования предполагает также необходимость применения *текстологического* анализа, основанного на истории текста отдельного памятника [Лихачев, 1983], в принципе являющегося неосознанной модификацией сравнительно-исторического метода, примененного в диахронии. Для историко-лингвистического исследования особенно важным представляется сочетание текстологического анализа с *лингвотекстологическим*, направленного на выявление разночтений и их классификацию по языковым и экстралингвистическим параметрам [Жуковская, 1976; Шелепова, 1994; Панин, 1995; Орлова, 1999].

Специфичность цикла, включающего житийные тексты разных способов воспроизведения либо варьирования оригинала (список, редакция), а также тематически (событийно) и текстуально связанные, вызывает необходимость уточнения и дополнения текстологического анализа *герменевтическим* [Камчатнов, 1995; Колесов, 2002]. Герменевтическая текстология предполагает изучение средневекового текста с моментом толкования - лингвистического, исходящего из известных закономерностей истории языка, истории текста и изменения стиля, и экстралингвистического, основанного на результатах исторических, литературоведческих, культурологических, философских исследований.

В пределах работы описанный комплексный метод реализован в приемах межтекстового и внутритекстового анализа, основанного на выявлении сходных и идентичных контекстов, анализе языковых расхождений и мотивации предпочтения тех или иных форм выражения. Исследуется не только отношение текста к языку как средству порождения разночтений, но и языка к тексту, когда редакторская правка мотивирована изменением в речевых стратегиях и демонстрирует актуализацию отдельных участков грамматической, словообразовательной и лексической систем языка.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- 1) языковые изменения впервые показаны дифференцированно в отношении аналитически расчлененных категорий жанра, стиля и языка;
- 2) впервые сделана попытка типологической семантической интерпретации текстовых, стилистических, языковых признаков исследуемых текстов и выявления когнитивного механизма их порождения;
- 3) новизна заключается в методологическом подходе к анализируемому материалу как особому циклу, обладающему внутренним един-

ством в связи с прагматической установкой культурно-организационных мероприятий митрополита Макария;

- 4) новизна работы состоит также во введении в научный оборот малоизученных или вообще не привлекавшихся к исследованию источников.

Материал исследования. Поскольку данная работа представляет собой первую попытку дать обобщающую характеристику макариевской агиографии, исследовать ее тексты в полном объеме (при известной неопределенности границ цикла их минимальное количество, выделенное В. О. Ключевским, - 29) на начальном этапе практически невозможно. В связи с этим для анализа в качестве материала были привлечены несколько житий, включенных в состав Великих Миней Четых либо созданных по поручению митрополита Макария. Источником житийных текстов послужили изданные книги Четых Миней, рукописные материалы из собраний Российской национальной библиотеки, идентифицированных в качестве минейных по данным текстологических исследований, обобщенных в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [Словарь книжников, 1988].

Для большей объективности анализа текстов, ставших предметом разноаспектного подробного рассмотрения на основе сравнения их редакций (синхронных и последовательных), используются как тексты, изданные в составе Великих Миней Четых, так и рукописные варианты житий.

Житие Дмитрия Прилуцкого (конец XV в.) по сп.: РНБ, Соф. собр. № 1320; РНБ, Солов, собр., № 518/537; РНБ, Соф. собр., № 1361; РНБ, Соф. собр., № 1320; РНБ, F.I.774). *Житие Григория Пельшемского* (конец XV - начало XVI вв.) по изд.: ВМЧ, Сентябрь, дни 25-30; *Житие Пафнутия Боровского* по сп.: РНБ, Соф. собр., № 1321); *Житие митрополита Ионы* (1547 г.) по сп.: РНБ, Соф. собр., № 1356; *Житие Павла Обнорского* исследуется по изданию: ВМЧ, Январь, дни 6-11, сверенному с рукописным вариантом этой редакции, но без чудес (РНБ, Соф. собр., № 1361); *Житие Иосифа Волоцкого* в редакции епископа Крутицкого Саввы Черного (1546 г.) по изд. (ВМЧ, Сентябрь, дни 1-18) и сп. (РНБ, Соф. собр., № 451/1) и анонимной редакции (ЧОИДР, 1903, кн. 3, отд. 2); *Житие Михаила Клопского* в редакции В. М. Тучкова (1537 г.) и Первой редакции (приблизительно в 1478-1479 гг.). Первая редакция представлена в работе двумя вариантами - А (собр. Вяземского, Q. 278) и Б (Пог. собр., № 640). Изданный текст (ВМЧ, Январь, дни 6-11) сверен с рукописным (РНБ, Соф. собр., № 1356); *Жития Ферапонта и Мартиниана* (созданы по поручению митрополита Макария к канонизации святых) по сп.: РНБ, Соф. собр., № 467, 60-е годы XVI в. В диссертации исследуются списки *Житий Кирилла Белозерского*, *Ферапонта и Мартиниана* в составе одного сборника: Соф. собр., № 1361, XVI в..

Сопоставительным материалом для выявления ментальных оснований механизма языковых преобразований в агиографическом тексте конца XV-XVI вв. в сравнении с серединой XIV-серединой XV вв. послужило Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым (РНБ, Пог. собр., № 862, XVI в., лл. 253-348 об.). При исследовании грамматических особенностей житий «Макариевского цикла» в качестве дополнительного источника был использован также текст Жития Александра Ошевенского (БАН, Ал.- Свирск. собр., № 13).

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что лежащий в основе исследования подход к тексту как реальной речевой деятельности, заданной жанром в условиях выработки его образца, позволяет уточнить соотношение базовых для исследования и для истории русского литературного языка понятий *жанр, стиль, норма, литературный язык*. Выводы относительно характера языковых средств, актуализированных в минейных житиях, а также относительно изменений в принципах и способах выражения святости, воплощенных в стилистических разновидностях текстов в рамках цикла, вносят вклад в изучение истории русского литературного языка в период обобщения книжного языкового потенциала. Теоретическую значимость имеет также уточненные и конкретизированные в процессе лингвистического анализа понятия *идеации, топоса, кумулятивности, одноязычия*.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее материала и выводов в вузовской практике - в лекционных курсах по истории русского литературного языка, исторической грамматике, спецкурсах по культурологии, исторической стилистике, лингвистической герменевтике и философии языка; при подготовке учебных пособий по истории русского литературного языка и исторической грамматике.

Апробация работы. Основные положения диссертации апробированы на международных научных конференциях в Великом Новгороде (2000г.), Казани (2001 г.), Омске (2002 г.), Санкт-Петербурге (2003 г.), всероссийских конференциях в Омске (2000 г.), Санкт-Петербурге (2002 г.), Самаре (2003 г.). По теме диссертации опубликовано 28 работ, в том числе монография.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Деятельность круга митрополита Макария, центростремительная в силу ее обобщающей и унифицирующей направленности на создание канонического варианта жития, демонстрирует, с одной стороны, историческую преемственность книжного языкового потенциала, с другой - изменения в средствах и формах выражения святости в исторически определенных культурно-идеологических условиях. Житийный текст является средоточием особенностей литературного языка, различающихся как диахронически (архаическое - новое), так и функционально (дискурсивное со вмещением книжных и деловых микроконтекстов).

2. Единство формы и содержания в жанре нарушено, жанр поглощается функцией и порождаемым ею текстом. Проявленность жанра в тексте оказывается связанной: 1) с различными жанровыми, прагматически мотивированными композиционно-речевыми формами текста в составе жития; 2) с соотношением логического и риторического начал в выражении святости; 3) соотношением информативного и неинформативного характера повествования; 4) релевантностью параметров 2) и 3) для композиционных частей жития.

3. В середине XVI в. - в период, характеризующийся, с одной стороны, обобщением и универсализацией агиографической практики (официальной ее разновидности) и систематизацией книжного языка в текстах-образцах, с другой стороны - переходностью стилистической системы, - стиль предстает как использование всех наличных ресурсов языка в процессе уяснения и выражения понятия и как производное от функции в конкретном тексте. Жанр, стиль и язык в рассматриваемый период еще синкретичны и попарно не коррелируют. В пределах исследованных текстов три стилистических разновидности, функционально заданные, соотносятся попарно: высокая и нейтральная - на основе формы, нейтральная и низкая - на основе семантики. Сформировавшиеся уровни литературного языка становятся источником поступления в житие новых форм.

4. В пределах цикла способы построения понятия, представленные в двух направлениях - гиперонимизации и генерализации признака, различны в лингвистическом воплощении. Гиперонимизация как развитие степеней отвлеченности семантики приводит, во-первых, к избыточности формы (словообразовательный и грамматический уровни) и маркированности высокого стиля по отношению к нейтральному; во-вторых, к текстовому соположению рода и вида, общего и частного (лексико-семантический уровень) и маркированности низкого стиля на фоне нейтрального. В текстах с дискурсивным совмещением соотношение стилистических средств предстает в пределах одного текста в связи с меняющейся функциональной заданностью сформировавшихся к середине XVI в. типов письменности - книжной и деловой.

5. В период стабилизации жанра накопление в его границах узуальных форм, архаических относительно системы живой речи и отражающих ее текстов, приводит к изменению или перегруппировке их исходных грамматических функций. Изменения в оформлении мысли приводят к совершенствованию способов построения высказывания.

6. Синкретичные по своей грамматической семантике языковые единицы в условиях стабилизации жанра, исходно являющегося «анфиладным», характеризовались амбивалентностью: внешне играли роль топоса, своего рода риторической фигуры (модели текста), в то же время имманентно, под давлением развивающейся языковой системы изменяя свои функции, отражали динамику литературного языка.

7. Стабилизация жанра обеспечивается на уровне текста риторической моделью жития - обязательностью вступления (похвала при этом факультативна), наличием агиографических топосов в определенной последовательности, выступающих в качестве элементов структурной организации основной повествовательной части; и композиционные части, и общие места характеризуются специфическими для них, но общими в жанровом отношении приемами текстопорождения: фигуры и тропы риторических частей, словесные формулы-синтагмы топосов. На уровне языка жанр как функционально обусловленный текст задает средства обозначения существенного признака в содержании понятия. В качестве таких средств выступают: а) различные грамматические особенности текстов в их развитии (усложнение форм субстантивного словообразования, субстантивация прилагательных и причастий, окказиональные формы со значением собирательной множественности, особые формы имен собственных, парные сочетания, формы двойственного числа, перифрастические сочетания); б) средства построения суждения (система текстовых глагольных форм прошедшего времени, в том числе гиперизмы и «настоящее историческое», оборот «дательный самостоятельный», средства синтаксической подчинительной связи и др.).

8. Исследование стилистических и языковых особенностей житийных текстов «Макариевского цикла» в связи с особенностями эпохи их создания позволяет уточнить методологически и эвристически значимое для нашей работы понятие *идеации*. Логико-ментальный процесс идеации начал переработку уже воспринятых культурой христианских символов в формах родного языка, что потребовало функционального переосмысления всех книжных языковых средств. В рассматриваемый период идеация осуществляется как завершение поиска способов выражения существенного признака - естественного процесса, характерного для книжности середины XIV - XV вв. и выразившегося преимущественно на уровне лексико-стилистическом. Завершение данного процесса в исследуемый период представлено в логически и риторически выверенной форме текста, для которой релевантным становится уровень лексико-грамматический (преимущественно словообразование и синтаксис, как формирующиеся в данный период развития языка подуровни).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников, списка использованной литературы, списка сокращений. Общий объем диссертации - 347 страниц (основной текст - 320 страниц), список источников включает 20 наименований, список использованной литературы - 281 позицию.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность и новизна, формулируются цель и задачи исследования, определяются его объект и предмет, методы и источники, теоретическая и практическая значимость диссертации.

Глава I «Житийные тексты «Макариевского цикла: теоретические предпосылки, аспекты и категории исследования» посвящена основным проблемам изучения цикла и определению научной парадигмы, в которой обозначенные проблемы могут быть разрешены. В главе показаны история создания свода ВМЧ, его идеологическое и культурное значение в эпоху обобщающих предприятий середины XVI в., место в своде житийных текстов, созданных направляющей деятельностью митрополита Макария, подводятся итоги изучения макариевских житий литературоведами и лингвистами.

Специалисты в области истории создания этого энциклопедического труда отмечают, что собирание Великих Миней было начато митрополитом Макарием еще в 20-х годах XVI в. в бытность его архиепископом в Новгороде и завершено в 1552 г. в Москве, когда он пребывал уже на высшем митрополичьем престоле. Работа над ВМЧ превратилась из предприятия местного, новгородского, в предприятие общерусское [Кучкин, 1976; Гордиенко, 2001]. В период территориальной, политической, общекультурной консолидации Руси и догматизации ее культуры появление Четых Миней было призвано сделать широко известными предания о русских и национальных святых для авторитета и величия русской церкви. Созданию ВМЧ предшествовала огромная составительская и редакторская работа. Списки ВМЧ фактически представляют собой три самостоятельных редакции - три 12-томных книжных свода: Софийский, Успенский и Царский. Формирование списков длилось около 25 лет (более подробно см.: [Дробленкова, 1988, с. 126-133].

Широту религиозно-идейного диапазона ВМЧ определяют обличительное богословие «Просветителя» Иосифа Волоцкого, изысканные творения Василия Тучкова и Льва Филолога, нравственные наставления Саввы Черного, строгая мораль монастырского устава, экзегетика латинских философов. Известно, что митрополит Макарий содействовал собиранию текстов, некоторые были созданы по его высочайшему повелению (многие агиографы свидетельствуют об этом), участвовал в определении степени соответствия житий канону. Все это дает право говорить о серьезном вкладе митрополита в нормализацию форм выражения в образцовых текстах.

Жития святых являются доминирующей в концептуальном и количественном отношении составляющей ВМЧ. Именно в это время происходила канонизация многих общерусских и местных святых, обусловленная идеологическими явлениями того времени. Наиболее существенным в выделении границ цикла следует признать содержащееся в житиях указание на высочайшее повеление митрополита Макария к их написанию. При таком подходе логичным представляется включение в «Макариевский цикл» Житий Ферапонта и Мартиниана Белозерских, не включенных по неизвестной причине в состав ВМЧ, но созданных по заказу митрополита, и Жития Иосифа Волоцкого - святого, не канонизованного на соборах 1547-1549 гг., житие которого тем не менее вошло в состав Успенского списка.

В исследованиях литературоведов макариевские жития являются материалом для текстологических исследований [Минева, 1993, 2001; Черторицкая, 1993] либо рассматриваются в аспекте редактирования [Дмитриев, 1973; Белозерцев, 1979; Шевелева, 1986; Савельева, 1990; Дмитриева, 1993; Ремнева, 1995; Иванова, 1998]. Сопоставляя некоторые макариевские жития с более ранними редакциями, Л. А. Дмитриев рассматривает их как находящиеся вне литературного процесса, поскольку эволюция жанра состояла в постепенном освобождении от канона и беллетризации житийного повествования [Дмитриев, 1973]. В результате сопоставительных исследований в научной теории и практике, представленной в виде рассмотрения различных типов составления текста - жития на основе записки или редакции более раннего жития легендарно-биографического типа - за макариевской агиографией закрепилось мнение об их каноничности, схематизированности, украшенности, риторичности, торжественности [Мансикка, 1913; Дмитриева, 1993].

Следует отметить, что выделение этих маркирующих признаков основано на нерасчлененности риторико-поэтического, нормативно-стилистического и собственно лингвистического аспектов анализа. В связи с этим возникает проблема соотношения в текстах информативного и неинформативного повествования, с одной стороны, и, с другой - логического и риторического способов изложения.

Следует также уточнить разное содержание понятия «плетение словес» применительно к эпохе создания в этой технике того или иного текста. Так, в отношении литературной манеры Епифания Премудрого (конец XIV - начало XV вв.) «плетение» представляет собой принцип организации текста всего жития, созданного в жанре панегирика в целом, тогда как в макариевских житиях «плетение» сосредоточено непосредственно в похвале, часто заимствованной из других житий. Недифференцированный подход к языку и стилю житий в отношении к их структурно-композиционным составляющим приводит к перенесению особенностей

риторических частей на весь текст. Отсюда вытекает необходимость изучения композиционно-речевых форм жития в связи с их жанровыми интенциями (повествование - поучение - похвала - чудо).

Кроме того, с утверждением о напыщенности и витиеватости стиля не согласуется общее для многих исследователей указание на авторитет Пахомия Логофета для авторов минейных житий. Хорошо известен характер участия сербского агиографа в редактировании Жития Сергия Радонежского, созданного Епифанием Премудрым в начале XV в.: устранение длиннот текста, цепочек синонимов — в целом упрощение синтаксиса в пользу паратаксических структур, в содержательном плане - сокращение психологических подробностей в описании поведения героев, в их размышлениях [Ключевский, 1871; Прохоров, Дробленкова, 1988; Колесов, 1991; Иванова, 1998]. Думается, авторитет Пахомия как редактора и составителя житий основан на разграничении им типов повествования и аргументации. В этом случае можно говорить о совпадении жанровых интенций и принципов редактирования, ставших в XVI в. не только авторитетными, но и актуальными.

Отсюда вытекает комплекс следующих проблем: роль авторитетных житийных текстов в общей проблеме интертекстуальности и авторства в минейной агиографии, их роль в построении нового текста, проблема преемственности традиций агиографии конца XV в. и новых тенденций, продиктованных общими процессами в культуре XVI в. Выявленные историко-культурные условия появления цикла в последующих главах конкретизируются в отношении жанра и стиля исследуемых текстов.

Из круга проблем, обозначенных в работе в связи с малоизученностью макариевской агиографии, в работе разрешаются только лингвистически релевантные. Исходя из этой посылки в разделе 1.2. показаны наиболее существенные категории и аспекты исследования средневекового текста в их взаимосвязи. Обсуждаются категории, явленные в тексте и передающие положительные сведения о сущностной природе языка: *жанр, стиль, функция*. Функция предстает как деятельная роль языка, употребляемого в данной общественной среде, это проявление сущности языка. Стиль - манера использования языка, принцип отбора и комбинации различных языковых средств. Жанр - тип художественно организованного текста в единстве формы и содержания. Функция воплощается в стиле и создает жанр. Следовательно, формы воплощения языка в тексте взаимно связаны и могут быть определены друг через друга. *Текст* в аспекте языковой системы является предметом изучения, в котором обнаруживается особое структурирование значимых отрезков и связей между ними, реализованных специфическим набором языковых средств. В то же время создание любого текста основано на его прагматической заданности (тема, целевая установ-

ка). Следовательно, жанровые рамки и наполняющие их языковые элементы находятся в сложной диалектической связи.

Описание текста в определенных историко-культурных условиях неизбежно сталкивается с проблемой исторической изменчивости *языковой ситуации*. На определенном синхронном срезе текст может быть по-разному предъявлен как язык / стиль в зависимости от взаимоотношений между ядром и периферией - литературным языком и сформировавшимися к данному времени функциональными разновидностями, а также разговорным субстратом. Исходя из перспективы русского литературного языка наиболее адекватной для языковой ситуации изучаемого периода представляется модель юго-восточнославянского *гетерогенного одноязычия*, что видно из динамического взаимоотталкивания и взаимоприспособления русизмов и славянизмов в составе русского литературного языка.

Понятие одноязычности, в свою очередь, тесно связано с принципом *кумулятивности* - накоплением и сосуществованием архаических и системно закономерных языковых признаков, релевантных для текстового воплощения жанра. Динамический характер кумулятивности может проявляться в изменении функционирования архаических для системы языка форм, в сохранении прежних грамматических значений во внесистемных формах, в тексте сосуществующих с прежними формами и значениями.

Одна из поставленных в работе задач - исследование зависимости языковой специфики житийных текстов от меняющегося мировоззрения - вызывает необходимость обращения к культурологическим и семиотическим типологиям с присущим им расширением объекта исследования. Данные типологии базируются на периодизации истории русского языка и литературы, в которой период с конца XIV по начало (иногда середину) XVII вв. выделен особо. Так, тернарная модель русской культуры выявлена Д. С. Лихачевым дедуктивным путем относительно истории стилей в связи с изменением принципов изображения человека в русской литературе, что привело к выделению жанров, релевантных для сменяющихся литературных стилей [Лихачев, 1970]. С. Матхаузерова на примере культуры Нового времени показала связь жанра и стиля, уточнив эту связь применительно к теории перевода священных текстов [Матхаузерова, 1976].

Последовательность смены культурных парадигм в дальнейшем получила подтверждение и уточнение в логико-психологической концепции И. П. Смирнова в виде диахронической модели «конъюнкция - дизъюнкция - импликация» [Смирнов, 2000] на основе выявленной на широком культурном фоне диалектической связи функции с семантикой.

Поскольку типология качественных форм мышления основана на понятиях традиционной семантики, в работе приводятся дефиниции ее базовых содержательных форм - *понятия, денотата, сигнификата*. Понятие

определяется как «мысль, отражающая в обобщенной форме явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений, свойства и отношения выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотношенные с классами предметов и явлений» [ЛЭС, 1990]. Слова служат не только знаками каких-то внеязыковых явлений и предметов, но и средством формирования понятий, то есть категорий мышления [Шмелев, 1964]. Принципиально важной при этом становится отличительность признаков, которые выделяют предметы как самостоятельные объекты [Чесноков, 1967].

Качественная смена мышления, изменение принципов и логики познания, проявленные в языке и в то же время задающие языковые изменения, исследуются в трудах В. В. Колесова [Колесов, 1986, 1992, 1997, 1999, 2002 и др.]. Последовательность языкового воплощения представлена как «ментализация - идеация - идентификация» [Колесов, 2002]. В этих исторически изменчивых формах мировоззрения, данных в виде диахронической типологии, на наш взгляд, заключается ментальное основание языковых преобразований, отраженных в тексте.

Термин *ментализация* впервые был введен в научный оборот применительно к культурному явлению раннего средневековья - обозначению сложных понятий, заимствованных из византийско-христианской культуры, собственными языковыми средствами [Верещагин, 1982]. В. В. Колесов видит в ментализации не просто терминотворчество, но глубокий процесс «насыщения новым смыслом уже существующих в языке словесных знаков, т. е. расширение переносных значений славянского слова» [Колесов, 2002]. В центре внимания ментализации, таким образом, находится разработка объема понятия (денотата), характеризующаяся устремленностью от предмета к понятию.

Согласно рассмотренным типологиям смена культурных парадигм происходит в конце XIV в. [Лихачев, 1962, 1970, 1973; Матхаузерова, 1976; Смирнов, 2000]. В период с конца XIV до середины XVII вв. сущность и механизм динамики русской словесности заключается в идеации. *Идеация* предстает как иное качество мышления, проявляющееся в работе со словом и текстом в функции, формирующей жанр. Идеация, в отличие от ментализации, имеет дело с содержанием понятия, разработкой значений славянского слова (десигнатом), осуществляющейся в направлении от понятия к слову. Типологизирующая черта идеации - нацеленность сознания на «порождение понятий, извлекаемых из образов вещного мира. Предметное поле расширяется до явлений и признаков, явленных в отвлеченном от вещи виде» [Колесов, 2002].

Идентификация представляет собой соотношение слова и референта, прошедшее стадию от объема понятия через выделение признака к диалек-

тическому единству ментализации и идеации. Совпадение денотата и сигнификата зафиксировано сознанием как обладающее отличительными признаками соотношение предмета и сформулированной мысли.

Для предпринимаемого исследования методологически значимым является этап (и одновременно лингвокогнитивный процесс) идеации. В период идеации, когда понятия усвоены, происходят поиски и экспликация средств выражения существенного признака в содержании понятия. Даны процесс осуществляется в рамках книжного языка и еще более усилен в результатах «второго южнославянского влияния». Проблематика изучения житий цикла включает уточнение характера идеации в отношении ключевых категорий средневековой культурной парадигмы.

Из всех культурно и когнитивно значимых категорий стабилизирующим фактором в становлении средств выражения осознаваемого понятия является жанр. «Анфиладный» [Лихачева, 1967] по своей сути жанр жития является объектом изучения в аспекте его потенциальной расположенности к разработке новых языковых форм и изменения в функционировании прежних (архаических). Экспликация способов извлечения признака в наличных средствах литературного языка происходит в условиях отсутствия нормы как осознанной системы, данной в парадигмах, и функционирования в качестве нормы образцового текста.

Исследование текстов как жанра в заданной им форме изложения приводит к выводу, что для выявления языковой специфики данных текстов релевантны не только смена культурных парадигм, но и периоды стабилизации культуры и жанра как одной из ее форм. Одним из таких периодов является время создания ВМЧ - середина XVI в., время синтеза накопленного русской книжностью интеллектуального потенциала.

В процессе уяснения и выражения понятия важен процесс порождения текста, в частности предъявленный как результат переработки его прежних вариантов (редактирование). В этом отношении «Макариевский цикл» дает разнообразный и значительный по объему материал. Вхождение в обобщающий свод ВМЧ обязывало редакторов к приведению в соответствие средств выражения идеи (разработка сигнификата), с чем связана проблема выявления механизма создания гиперонима как промежуточной стадии формирования понятия в новой редакции.

Особую проблему составляет выявление когнитивной сущности релевантных книжных грамматических признаков. При этом следует учитывать, во-первых, действие «охранительных» тенденций эпохи (внешний фактор), во-вторых, противоречие, возникшее между стремлением к изоляции от живого языка и изменившимися способами отражения идеи святости, что привело к изменению функционирования традиционно книжных средств (внутренний фактор).

Специализация средств выражения, предположительно, может быть свойственна текстам, созданным в конце XV - середине XVI в. - в эпоху «достигнутого идеала» [Лихачев, 1970]. В отличие от агиографов конца XIV - начала XV вв., авторы не стремятся к максимальной реализации всех имеющихся средств, к напряженным (идушим от исихазма) поискам сущности явления в текстовой рядоположенности подбираемых признаков. В макариевских текстах признак дается в логически подобранном, оптимальном варианте.

В главе I охарактеризована определяющая языковую специфику функция логико-ментального процесса идеации, в дальнейшем же изложении будет показана его отображающая функция: идеация показана как ментальное основание механизма языковых преобразований и появления инноваций.

В главе II «Жития «Макариевского цикла»: жанр - текст» житийный жанр рассматривается в связи с историей и теорией изучения его специфики. Охарактеризованы культурные предпосылки жанровых особенностей исследуемых текстов: изменившееся в изучаемую эпоху представление о святости, распределение риторических и собственно языковых жанровых средств, отношение к риторике.

Текстуальный анализ житий предваряется рассмотрением базовой для агиографии категории святости. Сущность святости раскрывается в концептуальном и понятийном аспектах. Важно, что святость выполняет в житии не только нравственно-поучительную, эстетическую функции, но и функцию смысло- и структурообразующую, именно вокруг этой философско-религиозной категории строится текст жития: начало пути, преодоление пути, переход на новый уровень существования после смерти.

Как любому теологическому концепту (и одновременно доминанте средневековой культуры), святости имманентно присущи незыблемость и вневременность. Изменяться может лишь понятие о святости, включающее статический и динамический аспекты, поскольку святость как понятие означала одновременно и идею, и личность, конкретно ее воплощающую. Статический аспект ближе к концепту святости - это собственно ее идея. Динамический может корректироваться в пространстве и времени.

Анфиладность жанра жития, с одной стороны, и размытость жанровых границ в XVI в. - с другой, приводят к взаимопроникновению различных по своим исходным функциям жанровых форм: исторического повествования и деловой письменности (челобитные, жалованные, духовные грамоты, постановления соборов).

Вместе с тем новое не отменяет достигнутое, а лишь по-новому его организует. Как святость незыблема во времени и пространстве, так и житие как жанр стабильно. Изменяется текст жития, переставляя повество-

вание из одних жанровых рамок в другие в соответствии с функциями данного микроконтекста. В результате использования средств других жанров житие не теряет, а, напротив, приобретает еще большую назидательность. Нарушение устойчивости средневековых жанров наложилось на исходную открытость житийного текста, объединяющего микроконтексты в единой текстовой системе, что привело к взаимопроникновению различных по своим исходным функциям жанровых форм с присущими этим формам средствами выражения.

Прагматическая установка текста задавала соответствующий набор языковых и риторических средств. Убеждение и похвала - основные функции соответственно полемики и исторического повествования в изучаемый период - мотивировали обращение к специальным приемам воздействия из церковнославянского арсенала. В результате стилистически эти произведения сближались с церковным панегириком - сугубо сакральным жанром, приобретая такие качества риторической культуры, как эмоциональность, персуазивность и эстетичность.

Риторические приемы, заимствованные светскими текстами из сакральной риторики и поэтики, являются для авторов XVI в. не «хитроречием», а «красноречием», неотъемлемой частью культуры текста в противопоставлении культуре правил и проявлением нормы как образцового текста в противопоставлении кодифицированной грамматике (своду парадигм) [Матхаузерова, 1976]. Отрицание риторики было по преимуществу явлением идеологически и онтологически обусловленным [Успенский, 1994]. Прагматические установки явились причиной перераспределения риторических и повествовательных средств выражения между текстами конфессиональными и светскими. «Хитроречие» осуждается церковными писателями как род профанического, а не богодухновенная мудрость. Главное - выразить и донести до читателя идеальный смысл текста, достичь вытеснения «неполезных» повестей «полезными». Так возникает идея «высокой простоты» изложения - проблема текста, но не стиля.

В минейных житиях каноническая модель жития соблюдалась более строго, чем в предшествующей агиографии. В плане риторики как функционально организованного языка и стиля в границах жанра канон проявляется прежде всего в сюжете и композиции - инвариантной модели, стержнем которой является диспозиция. Внутри житийных текстов «Макариевского цикла» доминирует нарративный способ повествования, помещенный в риторическую рамку. Похвальное слово отличается от других частей жития фигуративным языком. При этом риторические приемы вступления и похвалы (антитеза, параллелизм, анафора и др.) не соотносятся с украшательством - это та же дань традиции, соблюдению «чистоты риз», что и лишенная «плетения» нарративная часть: риторические приемы построения текста, выразительные средства

построения текста, выразительные средства заимствуются из образцовых текстов священного содержания, а не создаются по рекомендациям из светских учебников.

Нарративная часть жития, фиксирующая внимание читателя на конкретных земных делах святого, предстает как немаркированная коммуникативная ситуация, которая не нашла своего отражения в риторических приемах. На фоне риторической рамки эта часть жития не унифицирована, в то же время является беспризнаковой, реализующей идею простоты, происходит импликация первичной нормы (*recte*) и отказ от поэтики (*bene*). Необходимо заметить, что в середине XVI в. намечено то резкое противопоставление двух разновидностей способов изложения, которое сложилось и оформилось в конце XVI - XVII вв. [Толстой, 1988].

Идея простоты (доступности) в сочетании с соблюдением «чистоты риз» нашла оптимальное выражение в одном из текстовых элементов (и одновременно способе создания текста) - *компиляции*. Это явление, способствовало нейтрализации циклических особенностей Макариевских житий (соотнося их с авторитетными ранними) в едином хронотопе святости и в то же время создавало особый способ описания характера героя, сосредотачивая внимание не на вещественном (реальном), а на отвлеченном плане происходящего. Кроме того, данный прием соответствовал прагматике житий ВМЧ, исключая вымысел, ассоциативность, догадку, что свойственно, например аллюзии, реминисценции с их отсылкой к иному культурному контексту и в целом с двусмысленностью.

Важно, что в любых своих проявлениях компиляция - заимствование элементов текста, но не идеи. В большинстве случаев это прямое перенесение фраз или периодов текста без их изменения из одного текста в другой. При этом заимствования не являются чужеродными элементами, а воспринимаются как органичные элементы вновь созданного текста вследствие обобщенности излагаемых в них сведений. Для макариевских житий характерна компиляция отрывков, содержащих факты из жизни, амбивалентные для двух святых, которые часть своего иноческого жития провели вместе (Кирилл и Ферапонт Белозерские), а иногда поддерживали отношения и после расставания (Григорий Пельшемский и Дионисий Глушицкий).

В диссертации подробно анализируются интертекстуальные связи Жития Григория Пельшемского (ЖтГП) и Дмитрия Прилуцкого (ЖтДП). Сходные фрагменты текстов рассматриваются с точки зрения функциональной прагматики жанра, в рамках которого они созданы. Выявляются участки языковой системы, актуализированные функцией данного жанра на уровне как *межтекстовых* (чудо - житие), так и *внутритекстовых* связей (чудо - похвала, житие - похвала). Внутри "рамки" текст строится по законам своего жанра. В чуде (ЖтДП) создается образ в его конкретности (чудесное в контексте жития предстает как нечто более правдоподоб-

ное, нежели земные деяния святого), поэтому в чудесах идея подвига реализована как конкретное деяние, которому всегда много свидетелей - чудо воспринимается на образно-чувственном уровне: *абие яко наявѣ видить...сему же видению быша еѣдители и въ градѣ. тоя же нощи инь еѣдетель...якоосляди...*

Типичным для создания образа в чуде является прием сравнения (*яко наявѣ, яко осляди*). Как показывает анализ образных средств других житий, данный прием сосредоточен преимущественно в чудесах. Приемы созданы на базе логических операций, в основе своей метонимических (причина - следствие, частное - общее).

Языковые особенности находятся в текстах в отношении дополнительного распределения: в каждой жанровой форме свои специфические языковые средства. Соотнесение деяний разных святых позволяют авторам уподобить героев этих житий через восприятие чужого текста (более раннего) на основе общей для обоих текстов идеи святости: герои идентичны в своей сакральности. Компильции в ЖтГП не комментируют ввод чужого текста, поэтому он свободно переносится в иные жанровые границы и строится по законам данного жанра. В чудесах исходного текста ЖтДП - это нарративное повествование, создающее образ чуда, в основной части жития - логизированное изложение в духе поучения с использованием соответствующих риторических приемов.

Композиционно-структурные разновидности житийного текста различны по своей когнитивной природе. С точки зрения семиотической, согласно которой все литературное произведение может рассматриваться как знак, эти сущности, спроецированные на текст в целом, предстают как соответствие *события - идеи - текста* предмету - понятию - слову. Денотат (отношение события к идее) в этом случае составляет сущность повествовательной информативной части жития, предъявленной в логико-рассудочной форме. Сигнификат (отношение текста к идее) является механизмом порождения риторических частей, в том числе похвалы. Десигнат при этом больше денотата и дан в зашифрованном виде - как готовая риторическая фигура. Чудо основано на денотате, но направление здесь обратное нарративному - от идеи к событию. В чуде создается конкретно-чувственный образ, предметное значение которого обязательно. Риторика в данном случае подчинена логике, в целом способствуя разработке денотата (направление от условно свершившегося события к идее).

Событие, ставшее фактом отдельного текста, посвященного одному герою, в качестве элемента сюжета функционирует на уровне внутритекстовых связей в одном житии. Данная связь в пределах текста осуществляется посредством сокращения, компрессии или интерполяции данного микротекста, мотивированных интенциями иного жанра. Сравнение раз-вернутого и сжатого типа повествования в ЖтДП (чудо - его пересказ в Похвале) и ЖтГП (деяние святого - его пересказ в Похвале) показывает,

что чудо дано в основных его моментах, но в сжатой форме. В пересказе оно предстает как свершившийся факт, выраженный в формах аориста (законченное действие в прошлом), тогда как в изложении непосредственно чуда основная повествовательная форма - это настоящее историческое в окружении традиционных форм прошедшего времени (*оуклонися - видить, быша - видить, бяше - видишь*). Форма настоящего времени в данном случае абстрагирована от всякой темпоральности, она оживляет повествование путем актуализации процессуального признака.

В разделе показана также роль пересказа в риторической организации похвалы. С этой целью анализируются средства фигуративного языка похвалы в ЖтГП в той ее части, которая предшествует пересказу и строится по принципу амплификации, где каждая фраза (или синтагма) представляет собой ту или иную риторическую фигуру, которая в свою очередь внутри содержит либо фигуру, либо троп. Здесь преобладают риторические фигуры, направленные на расширение текста: анафора, градация, стилистическая симметрия, хайретизмы и др. В отношении языка можно выделить следующую зависимость: глагол предпочитается причастию, поскольку передает основное, а не второстепенное действие; из претеритов актуален аорист, соответствующий "протокольности" повествования (свершившееся, а не длящееся действие). Прямая речь опускается как дающая второстепенную информацию. Исключение из пересказа цитации позволяет сделать единственным субъектом слова-поучения только святого, которому и адресована похвала.

Это говорит об универсальности текста жития и составляющих его элементов: они легко модифицируются в другой жанр при незначительных изменениях, которые происходят скорее в сфере логической, нежели творческой (художественной). Представлены: описательная разновидность, с аргументацией, переходами от одного тезиса к другому, содержащая опорные элементы смысла, а также сжатые разновидности текста, создающиеся на базе смыслового "костяка" развернутого текста. Остается факт, результат, тезис — опускается мотивация, предыстория, аргумент.

Внутритекстовые связи показаны также на примере включения в житие духовных грамот в XV в. (Житие Кирилла Белозерского - ЖтКБ) и XVI в. (Житие Иосифа Волоцкого - ЖтИВ): в первых соблюдался принцип единства жанра в связи с языком (грамота адаптирована к житию), во вторых - единства текста в связи с функцией, когда всему тексту жития передается функционально-прагматическое использование деловых средств языка: *опытай извѣстно, рукописанге давати, казнити торговою казню, ослабы, приказщикъ* (в значении 'начальник'). Приведенные языковые особенности деловой письменности характерны для тех частей текста, которые характеризуются общей информативностью изложения - там, где

автор в подробностях описывает обстоятельства конкретного дела. Проникновение деловых жанров в анфиладный усиливает логическую связанность житийного текста, создает не известные ранее способы выражения святости.

В главе особое внимание уделено топосу как стабилизирующему жанр фактору. Термином *топос* в нашей работе обозначены общие элементы в построении и содержании житий, соответствующие византийскому канону. Являясь одним из важнейших способов воспроизведения (и узнавания при восприятии) текста-образца, одной из структур, стоящих между языком и текстом (наряду с каноном, формульностью, жанром), топос одновременно выступает как элемент содержательного и формального каркаса текста. Важно отметить, что в содержательном плане топос в качестве стандартного мотива мотивирован не только ориентацией одних произведений на другие, ао и христосоцентричностью самого феномена святости. В языковом отношении топос образован рядом словесных формул, в пределах которых возможно языковое варьирование. При этом формула и топос относятся друг к другу как единицы уровней соответственно микро- и макротопики.

Топос агиографический (рождение святого, быстрое обучение грамоте, отчуждение от сверстников, раннее решение оставить мир, пострижение, преодоление искушений и другие) представлял в сжатом виде уже отмеченные особенности жанра при сохранении своей стабилизирующей функции вплоть до XIX в. Функциональная гибкость и ментальная мотивированность топосов характерны для разных жанров с XI по XVII вв.

В диссертации жанровый топос анализируется более подробно с привлечением не только текстов, хронологически различных, но и созданных в одно время, в том числе разных редакций одного жития. Предмет исследования ограничен одним топосом, представленным в нескольких житиях, - о «рождении святого от достойных родителей». Обобщая исследование Макариевских житий на данном микроучастке их текстов, следует отметить, что топос либо теряет свою формульность, из этикетного общего места преобразовываясь в сюжетное повествование или замещаясь символическим истолкованием, либо формульность топоса искусственно удерживается в качестве риторической конструкции, при этом конкретизации (как правило, признаками-определениями) и расширению текста топоса подвергаются составляющие конструкцию элементы. В структурных и смысловых рамках топоса проявляются культурологические, литературные, лингвостилистические процессы, выявленные в отношении жанра и текста, его репрезентирующего.

Желание соблюсти жанровый канон приводило к компиляции, стремление к точности - к нарушению канона (отсутствие топоса в Житии ми-

трополита Ионы - ЖтИо, Житии Михаила Клопского - ЖтМК). В житиях конца XV- начала XVI вв. конкретизация происходила в пределах формул топоса (ЖтДП, ЖтГП) или, развернутая в историческое повествование, «уравновешивалась» традиционной формулой-метафорой (Житие Пафнутия Боровского - ЖтПБ), в житиях середины XVI в. топос освобождается от образных выражений и переходит в нарративный тип повествования (ЖтИВ).

Изучение макариевских житий в аспекте соотношения категории жанра и текста позволяет сделать вывод, что в изучаемый период единство формы и содержания жития как жанра нарушено: жанр поглощается функцией и порождаемым ею текстом, который в свою очередь становится формой реализации установок автора (в данном случае идеологических). Вместе с тем наряду с житиями, в которых нашел отражение новый подход к агиографическому тексту, в «Макариевском цикле» продолжала свое развитие и отвлеченная от реалий тенденция, когда житие строилось по канонам жанра, с наличием всех топосов в их строгой последовательности. Конкретные сведения в них не являлись предметом изображения, поскольку в понятии о святости в таких текстах выражение получала лишь его статическая часть, находящаяся вне времени и пространства. С этой целью авторы предпочитали обращаться к авторитетным, универсальным в выражении святости житиям, поскольку именно таким путем сохранялась «чистота» жанра и концептуальная значимость святости.

Объектом исследования **главы III «Семантико-стилистические особенности макариевских житий»** стал логико-ментальный процесс идеации, представленный в функциональном переосмыслении всех наличных средств книжного языка, предметом исследования - различные лексико-грамматические особенности воплощения данного процесса в конкретном тексте. Стиль рассматривается как следствие данного процесса, поэтому анализу языковых средств житий предшествует рассмотрение теоретических вопросов: проблема стиля в литературном языке XV-XVI в., отраженная в средневековой и современной научной рефлексии.

Противоречивость в истолковании средневекового текста с точки зрения стиля вызвана исходной синкретичностью функции - жанра - текста - стиля - языка - семантики. Отсутствие прямой зависимости жанра от стиля (что произошло в XVIII), стиля от языка (XIX в.), слитность этих категорий в реальной литературной практике отличает средневековое понятие стиля от понятия стиля нового времени: в XVI в. стиль «синтагменный, текстовый, не ставший стилем как системой (парадигмой)» [Колесов, 2000]. Этот вывод подтверждается теоретическими высказываниями книжников XVI в. о выборе адекватных вариантов при переводе книг Священного Писания. В рассуждениях Зиновия Отенского понимание ста-

диетического и семантического по сути синкретично: высокий стиль понимается как «достоинство», характеризующее смысл всего текста. Не выработаны еще инвариантные языковые признаки стиля - стилистическая норма. «Высокое» и «низкое» соотносится с абстрактно-идеальным и конкретно-вещественным содержанием, но не со средствами выражения, поскольку они заданы смыслом текста (синтагматически). Выбор же (собственно стиль) может осуществляться при наличии парадигмы вариантов. Ни стиль, ни норма не распространялись на отдельные словоформы.

Однако есть принципиальное специфическое свойство стиля, не корректируемое временем: стиль есть правило выбора языковых единиц из нескольких вариантов, функционально важных и существенных. В период, характеризующийся стабилизацией жанра и системы книжных средств, стиль предстает как выбор из наличных ресурсов языка в процессе уяснения и выражения понятия и как производное от функции в конкретном тексте.

Материал главы III показывает, что в пределах цикла способы построения понятия представлены в двух направлениях - *гиперонимизации* (создание родового признака в движении от образа к понятию) и *генерализации* признака (развитие все более общего значения). Данные процессы объединяет отвлеченность от конкретности и экспликация преимущественно на лексико-грамматическом уровне. Житийный жанр накапливал различную лексику общего значения, в формировании стиля значимыми являются слова абстрактной семантики, которые впоследствии соотносились с идеей высокого стиля.

Существенные признаки конкретного понятия могут формироваться в пределах слова - в усложнении словообразовательной модели, ее расширении путем редупликации, приращения и т.д. Характерно, что наибольшее количество окказионально усложненных форм выделяется в житиях именно на уровне словообразования - одного из важнейших факторов стилистической организации текстов [Николаев, 1987]. Словообразовательный «взрыв» является специфической чертой XVI в. В сакральных текстах этот «взрыв» реализовался как средство абстрагирования повествования (и одновременно сгущения смысла) и как результат абстрагирования - способ создания стилистически маркированных языковых единиц.

Обновление различных аффиксов, употребление их в новых значениях, рожденных из соединения семантически различных суффиксов в одном слове, является причиной создания авторами гиперкорректных образований. Формально это усложнение изначально простых моделей, аналогичное парам *труд - потруждение, любовь - любление*. Функция их в данном случае сводится к созданию формально усложненных вариантов для нейтральных книжных.

Использование уже существующих в системе книжного языка моделей и их словообразовательной семантики, синтезированной в пределах слова, представлено в гиперкорректной форме *съподружебньикъ* (ЖтГП), не зафиксированной в исторических словарях. Форма демонстрирует усиление аффиксами грамматической семантики комитативности в корневой морфеме, лексическое значение которой само по себе передает совместное действие.

Сакральная идея жанра и гипертрофированная форма совпали в идее высокого стиля в тексте жития, открытом для подобных динамических процессов в языке. Семантика рода шире вида по объему, но 'уже по содержанию, поэтому разработка признаков сакральной идеи - специфических средств выражения святости - приводила к появлению в текстах необычных, внесистемных форм, рефлекслируемых современным сознанием как риторические, искусственные. Генетически данные новообразования не являются ни архаизмами, присущими системе языка на более ранних ступенях ее развития, ни церковнославянизмами - это текстовые (дискурсивные) элементы, в функциональном отношении выступающие в качестве средства создания отвлеченности смысла.

Выделение существенных признаков в содержании понятия в средневековье сопровождалось их диффузностью («текучестью»), которая проявляется также на уровне морфологическом — в создании амбивалентных по грамматической семантике определений к отглагольным существительным процессуальной семантики: *варение квасное, рыбное ловление, отъятие власное, посъчение смертное* и др. В атрибутивных сочетаниях синтезированы словообразовательные возможности разных частей речи: имени существительного - в выражении предикативности, прилагательного - в передаче свойств объекта действия. Таким образом, имплицитно создается многозначная семантическая структура.

Отношение к заимствованиям проявляется в житиях XV в. непосредственно в тексте и представлено не как устранение, а как изоляция от слов-терминов, приведенных в соответствие с русскими вариантами. Внешне такой прием пояснения обнаруживает сходство с глоссированием - толкованием иноязычного слова путем подбора более понятного в данной языковой среде эквивалента. Глоссирование в житиях XV в. близко к подобному способу языковой и текстовой работы древнерусского периода [Ковтун, 1991]. Как правило, это греческо-славянские оппозиции: *и в дохию сирьчь казною отношахоу роукодѣlie* (ЖтКБ); *тоже посыаемъ бываетъ от настоятеля в магерню сирьчь в поварню* (ЖтКБ). Характерно, что и греческий, и славянский вариант употребляются изолированно, вне глоссы. Текстовая эквивалентность подобных оппозиций мотивирована конкретностью семантики оппозитивов и их полной семантической тождествен-

ностью. В данном случае это текстовое соположение равноправных вариантов-терминов, значение которых всем известно и не нуждается в пояснении.

Семантически абстрактные оппозиции имеют в системе житийных текстов градуальный характер: *изыде же поламонарь служителъ церкви* (ЖтПБ); *настоятель запрещеи томоу даяше, рекше епитимью* (ЖтКБ); *к симъ поставляешъ и властели по еѣи градомъ отъ безбожныхъ агарянь . ихже баскакы нарицаетъ половецкымъ языкомъ* (ЖтПБ). Церковнославянская лексема, семантически обобщенная и неопределенная, уточняется тюркизмом с указанием (хотя и неточным) на его лингвистический источник. Относительно стиля житийных текстов особенно важными являются примеры книжного и разговорного (обиходно-бытового) соответствий, причем варианты живой речи выступают в текстах XV в. как безэквивалентные диалектные и просторечные элементы: *и видить тамо безчисленно множестворыбъ . ихже мѣстная речъ сижскы обыче нарицати* (ЖтПБ); *и ѣкогда же оученикоу блаженана нападе болѣзнь окоу . яже обычноу рѣчью преломъ порицается* (ЖтПБ). Обиходное слово выражает существенный признак понятия, обозначенный семантически родовой лексемой; оно идентифицирует данное понятие, поэтому лексемы, принадлежащие разным сферам бытования, в тексте соотнесены как единицы одной языковой и стилистической систем.

Другим способом соположения книжного и разговорного вариантов является редактирование, особенно тот его тип, который условно можно назвать «стилистическим», представленный в Первой и Тучковской редакциях Жития Михаила Клопского. Если в предыдущем примере из ЖтПБ перевод текста из конкретной сферы в высокую форму изложения осуществлен фрагментарно и низкая (разговорная) форма находится в пресуппозиции, то тексты Первой и Тучковской редакций эксплицируют оба варианта. «Чистоту» книжного языка определяет заданность, сознательное отталкивание от разговорного. Между тем стилистические варианты возможны лишь в отдельных случаях, так как редактирование, как правило, касается не изолированного слова, а слова в контексте (синтагматически).

Третий тип отражения в житийном тексте языковых средств обиходно-бытовой сферы проявляется в житиях, созданных по заказу митрополита Макария к соборам 1547-1549 гг. Аргументация требовала доказательности, логичности, точности фактов, поэтому соответствующие средства выражения были найдены в функционально ориентированном «профессиональном» языке деловых текстов, также представленных в ЖтИВ: *бити челомъ о своемъ отлучени, но ждаше от архієпископа ослабы* (ЖтИВ); *сродичъ ему старецъ* (ЖтИВ); *земская незгода* (ЖтИВ). Специализация языковых средств отражает установку автора на идею текста как

«схождение», от сакральной идеи к земному ее осуществлению - в «земных» языковых средствах.

Процесс *генерализации* наиболее ярко представлен в парных сочетаниях, которые означают одновременно поиски для выражения актуального в данном контексте существенного признака, составляющего содержание понятия, и направленность различных структурных типов и принципов сопряжения в пары на формирование суждения. Подобные композиты унаследованы житийной литературой из предшествующей средневековой книжной традиции, в частности форм выражения ораторской прозы и экзегетики.

Характерно, что чем ближе к Новому времени, тем заметнее предпочтение сращениям сочетаний с союзом *и* [Евгеньева, 1963]. В связи с этим справедливым представляется психологическая точка зрения А.А. Потебни на сущность союза *и*, согласно которой союз *и* служит указанием на последовательность смены актов мышления, т. е. дискретность выражаемых парными сочетаниями признаков [Потебня, 1958].

Семантические отношения компонентов пар можно с известной долей условности, вызванной синкретичностью их семантики, типологизировать: компоненты находятся в отношениях видо-видовых (*назирает и пасет, пастырь и наставник*); объединения противоположностей (*велиции и малии, день и ночь*); стадияльных характеристик (как правило, процесса) (*неблагословение и отлучение, пресъкоша и посрамиша*); усиления однозначными компонентами - неоднословными (*челом бѣю и со слезами молю*); один из компонентов играет роль атрибута другого (*чистота и цѣломудрие, покаание и слезы*).

Анализ обширного материала позволяет заключить, что преобладающим среди парных сочетаний является тип с видовыми отношениями между компонентами. В эпоху универсума и прагматизма актуальной и оптимальной становится бинарная модель - симметричная, уравновешенная, позволяющая эксплицировать семантические признаки как равноправные и дискретные, углублять содержание понятия, а не расширять его объем.. Бинарность предстает как частный случай удвоения и одновременно раздвоения признаков явления, которое происходит в ходе построения агнографического текста. При этом устойчивое бинарное сочетания в качестве элемента исходно формульного текста демонстрирует как разрушение формулы, так и созидание, «ибо в конечном итоге возникает не только новая синтаксическая структура, но и иной уровень семантической актуализации» [Аверина, 2002; 4].

По традиционности, т.е. исторически последовательному развитию парных сочетаний, можно выделить своего рода структурные исторические слои. Материал житий наглядно демонстрирует, как тип, исторически первичный (*честь и слава*), обогащается различными нюансами. Вклю-

Включаются чисто церковные образования (с суффиксами отвлеченного действия) типа *неблагословеніе и отлученіе положити* (ЖТИВ). Активность процесса образования пар в пределах дуальной модели проявляется также в усилении данных сочетаний определениями: *вѣрными словесы и любовными утвердившеся* (ЖТИВ). Кроме того, появляются определения ко всему сочетанию, которые позволяют соединить слова, пришедшие из разных источников: *по княжъему слову и прошению* (ЖТИВ); *аще бо мощно имъ отъ великого усердія и любве* (ЖТГП). Жития развивают этот тип в разных структурных направлениях: а) возможны самые неожиданные удвоения, уже выходящие за рамки традиционных; б) в них всемерно развивается атрибутивность (появляются формулы со вторым прилагательным, которые к XV в. уже образовали самостоятельную часть речи и теперь могли эксплицировать признаки, составляющие содержание понятия). В общем процессе экспликации и генерализации признака особенно характерны сочетания с определением к одному имени (*бѣдоу и скорбь* (ЖТМК); в) сочетания рассмотренных минейных житий, в особенности ЖТИВ, демонстрируют процесс включения их в предикативные отношения (*соблюдаа и схраняа господство твое и царство* (ЖТИВ); *похваляти же и почитати* (ЖТМК, стб. 760). Переход на синтаксический уровень отражает и процесс создания однородных членов предложения (атрибутивность), и соединение в пары однословных компонентов, стержневых в разных формулах. Предикация как способ создания новых формул (свидетельство творческого характера процесса) показывает движение мысли в сторону понятия.

Бинарность как способ обобщения признака отражается также в формах двойственного числа. Если в парных сочетаниях общий признак понятия дан дискретно, в аналитическом разложении на частные признаки, то в дуальных формах его обобщение синтетично. Существенной является маркированность формы как особого средства обозначения денотата (предмета или явления), референт (реальное количество) при этом не существен. В связи с этим данный признак является неотъемлемой частью исследований источников по истории русского литературного языка. Картина функционального распределения форм двойственного числа в исследованных житийных текстах показывает, что противоречивость, вариативность, лексическая ограниченность данного книжного признака к XVI в. сменяется более последовательным его употреблением, поскольку на фоне общеязыковой утраты категории двойственности дуальные формы становятся признаком, диагностирующим язык и стиль высоких текстов. Отсюда восстановление архаических для узуса житийных текстов XV в. форм соматических существительных, согласование глаголов с субстантивными формами двойственного числа, употребление дуальных форм в контекстах множественного числа.

Выделенные в данной главе языковые особенности, демонстрирующие сложные связи семантики и стиля как денотата и сигнификата, явленные в тексте, специфичны по своим потенциальным возможностям, исходящим из системы языка. Среди «искусственных» средств выделяются формы существительных в форме именительного падежа единственного числа, оканчивающиеся на *-ие* - словоформы, однокоренные собирательным. Сплошная выборка из текстов минейных житий дает формы существительных разных родов, одушевленных и неодушевленных, исконно различных типов склонения (*мужие, татие, звѣрие, братие, мрежие, камене, листие*). Унифицированность этих формально и содержательно традиционных и новых форм вскрывает, с одной стороны, сложные взаимоотношения формо- и словообразования (форм множественного числа имен мужского рода и собирательных неодушевленных субстантивов), с другой - формообразования и его значения в системе языка и стилистическом узусе текстов.

Значения множественного дистрибутивного и собирательности пересеклись и совпали в древнерусский период, что вызвало трансформацию одушевленных собирательных на *-ия* в форму множественного числа, с одной стороны, и утрату формы неодушевленных на *-ие* с заменой ее на другие более продуктивные модели. В новых формах, образованных средствами словообразования, совпавших с архаической формой множественного числа, нейтрализовалось всякое противопоставление между численными мерами, что в период идеации означало появление еще одного узального способа устранения конкретно-вещественного и одновременно частного плана содержания. Данные формы нельзя однозначно определить как окказиональные, поскольку формально они являются системными, более того, частично являются таковыми и по своему значению. Доминирующим в стилистическом отборе является имманентно присущая им отвлеченность семантики от конкретного и частного. Признак понятия обобщен путем нейтрализации категорий числа (противопоставления между численными мерами в собирательности, функционально сближающие данные формы с дуальными), рода (конкретности пола в среднем роде) и склонения (его древних типов в мужском-среднем).

В числе других особенностей стиля житий как проявления идеации в диссертации рассматриваются субстантиваты (*молебнаа, ереснаа, потребная, снѣднаа* - наиболее частотные формы В.п. множ.ч. ср.р.); перифразистические выражения (*бѣгоу емлется, трудомъ касаашеся*); имена собственные мужского рода на *-ие* (*Пафнотге, Васиніе, Феодосгѣ*). В период, характеризующийся стабилизацией жанра и системы языка и переходный для стилистической системы литературного языка, стиль явлен как использование всех наличных материалов языка в процессе уяснения и выражения понятия. Стиль предстает как производное от функции, ее рефлексии в конкретном тексте. В рамках единого процесса литературного

употребления стиль является результатом поисков средств абстрагирования от конкретности образа в движении к понятию.

В главе IV «Язык житийных текстов: норма и стиль» исследование направлено от ряда языковых признаков диагностирующего характера к функционированию их в текстах. Признаки, преимущественно грамматические, благодаря своей универсальности, повторяемости в текстах, способности к текстовой воспроизводимости, выражали статический аспект литературного языка. В то же время, в условиях отталкивания от проявлений живой речи, литературный язык получает от нее динамический импульс.

Грамматические особенности текстов в их развитии показаны на различных уровнях: форма глагола, причастный оборот, союз (на синтаксическом уровне соответственно предикативный центр - предикативная единица - средство связи предикативных единиц) представлены как способы выделения и обозначения логически организованной структуры высказывания. Накопление в границах жанра в период его стабилизации узусных форм, архаических относительно системы живой речи и отражающих ее текстов, приводит к изменению или перегруппировке их исходных грамматических функций.

В этом отношении особого внимания заслуживают временные формы глаголов, организующие текстовое пространство. Агиографическое повествование сосредоточено на событиях, совершившихся в прошлом, следовательно, определяющим грамматическим временем априорно должно быть время прошедшее, а основной формой его выражения - претериты. В то же время для жития были одинаково актуальны и нарративный, и ненарративный типы повествования. Отсюда сложные сочетания временных форм, планов прошедшего и настоящего времен, своеобразно эксплицированных в текстовых формах темпоральности, - времени абсолютного и относительного, действия предельного и непредельного.

Анализ узуса конкретных текстов относительно форм выражения и характера действия сделал очевидным факт существования в текстах, наряду с нейтральными, обычными претеритами, форм, которые не вписываются в традиционную историко-грамматическую схему. Имеются в виду текстуализованные вербальные формы, появившиеся в ходе развития перспективы предложения. Прежде всего это так называемые гиперизмы («псевдоформы», «квази-формы», «аномальные формы») - конструкции, сочетающие имперфектную связку с действительными причастиями настоящего времени. Подобные «псевдоформы» широко представлены в текстах Пахомия Логофета [Иванова, 1998] и, вероятно, по аналогии с ними употребляются в житиях, созданных под непосредственным влиянием Пахомиевских. Имперфектная связка встречается в них также в сочетании с личными формами глаголов: *бяше мняху* (ЖтМ), *бяше съблюдеса* (ЖтФ). С точки зрения функциональной грамматики можно допустить близость мо-

дальней семантики глагольной связки современному вводному слову *бывало* по характеру введения в повествование основного действия, восходящему к аналогичной форме в составе аналитических образований давнопрошедшего времени XVIII в., выделенных, в частности, М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике». Одновременно связка, дискретно соотнося описываемые события с прошлым, усиливает их вневременность, выступая в качестве модального субстанциального распространителя текста, как это свойственно современным северо-западным говорам [Шевелева, 1993]. Длительность, повторяемость действия сообщает тексту атемпоральность, поэтому даже к личной форме добавляется имперфектная связка. Имперфект актуализирует действие «настоящее в прошлом», это свойство и было реализовано в использовании имперфекта в связочных конструкциях.

В условиях, когда общепринятым, нейтральным выразителем действия в прошлом становится аорист, его используют как рамочную форму. Внутри же повествовательной рамки требовались иные средства выражения: атемпоральность жития сочеталась с ярко выраженной нарративностью повествования. Гиперкорректные формы («псевдоформы») – одна из реализаций усиления нарративности. Однако противоречие между формой и содержанием в реальном тексте способствовало вытеснению их за пределы грамматического узуса агиографии: в других Макариевских житиях в нарративной функции выступают иные средства выражения.

Наиболее оптимальной (и продуктивной) в этом отношении оказалась форма «настоящего исторического» (*praesens historicum*), которая в качестве параллельной встречается и в житиях белозерских святых, а в подавляющем большинстве Макариевских текстов – единственной личной формой глагола в повествовательной функции. Причины интенсивного употребления «настоящего исторического» нужно искать во влиянии дискурса исторического повествования, в котором в данное время эти формы преобладали [Никифоров, 1952]. В то же время данную форму нельзя связывать с каким-либо стилем – это литературный способ нарративного повествования, который чрезвычайно распространен и в дискурсе современных литературных жанров (репортаж, ремарки в драматургии, историческое повествование) в различных славянских языках [Бондарко, 1975, 1978, 1999].

«Образы действия», за счет которых в сознании читающих запечатлевался героический портрет святого, не вписывались ни в старую, ни в новую грамматическую систему времен, видовые же оппозиции к этому времени сформировались лишь в самых общих чертах. Контексты употребления настоящего исторического, выявленные в ходе сплошной выборки из разных текстов минейной агиографии и их редакций, позволяют говорить о многозначности этой грамматической формы при всей расплывчатости и диффузности семантики. За основу анализа грамматической семантики настоящего исторического взяты признаки аспектуально-темпоральной орга-

низации текста, выделенные в современной функциональной грамматике [Бондарко, 1999]: 1) временной порядок; 2) локализованность - нелокализованность во времени; 3) нейтрализация - актуализация вида; 4) актуализация различных семантических признаков видов.

В текстах употребляются формы прошедшего и настоящего времен, но одновременно сохраняется определенная степень однородности в плане темпорального содержания. При этом происходит образная актуализация прошлого, в такой функции употребляются, как правило, перцептивные глаголы, передающие ощущения и чувства *{слышати, **смотрим** ти, **зр** ти, **вид** ти* и др). Актуализация прошлого совмещается здесь с видовыми оттенками значения - перцептивностью несовершенного вида, одновременно передается ситуация конкретного факта, что эксплицируется актуализаторами *амбие, **нале** ти, **се***.

Можно с уверенностью говорить о текстуализации данной формы как универсального средства нейтрализации временной определенности. Актуальным становится само действие-деяние, данное в качественных характеристиках. Богатство оттенков семантики глагольного действия, передаваемого презенсом, в условиях отталкивания от разговорной формы на —л, позволяет усомниться в квалификации данной формы как средства «лингвостилистического упрощения», «контаминации строго книжных и некнижных элементов» [Шевелева, 1986, с. 13]. Стилистически форма являлась межжанровой (сакральные и светские использовали ее с одинаковой интенсивностью), а значит, нейтральной, усредненной.

На морфологическом уровне форма настоящего исторического совместила функции имперфекта, аориста, перфекта и презенса, употреблялась наряду с этими формами и вместе с тем являлась средством замены перфекта без связки. Синтаксическая перспектива высказывания организуется с помощью иерархии морфологических форм, усложненной сменой абсолютных и относительных времен. Чередование абсолютного и относительного времен обеспечивало последующее функционирование сложно-подчиненных предложений. Изменение синтаксической перспективы высказывания, как известно, происходило путем усиления придаточного предложения, что в свою очередь поддерживалось развитием предикативности, а именно ее градации как способа выражения «нового» в сообщаемом. Являясь выражением времени относительного, форма настоящего исторического создает не конкретный образ времени, а его идею. В организации же текста важна именно смена форм (пусть и условно-грамматическая), создающая иерархическую перспективу текста, отделяя при этом фоновые сведения от актуальных.

Перераспределение функций релевантных признаков в текстах житий в связи с актуальным членением реализовано не только в чередовании

форм, но также и в синтаксическом обороте в составе сложного синтаксического целого. Спецификация архаических книжных средств в развитии структуры суждения в таких случаях предстает как смена прежнего и нового содержания в чередовании разных форм выражения предикативности - основного и второстепенного сказуемого. Отношения предшествования в выражении мысли как промежуточный этап в движении к сложноподчиненной структуре предложения наиболее наглядно представлены в обороте «дательный самостоятельный» - еще одном проявлении усредненно-абстрактного «высокого слога», синкретичном по исходной семантике книжном средстве, служившем одним из важнейших средств выражения гипотактических отношений в русском языке.

На примере повествовательных глагольных форм прошедшего времени видно, как происходит перераспределение их функций в условиях разрушения старой временной системы. Употребление причастных архаических оборотов способствует ее восполнению, сменяя последовательный ритм текста на более сложные разветвленные смысловые отношения. Предпринятый в диссертационном исследовании экскурс в историю изучения оборота показывает, что к XVII в. дательный самостоятельный перестает осознаваться как нечто целостное, теряет четкость своей структуры, присущую ранним памятникам, и приобретает разнообразие лексического наполнения [Ремнева, 1995]. Функциональное расширение ДС происходит в конце XV - начале XVI вв. - в пору (и на фоне) его переосмысления, что отразилось в дифференциации и унификации способов выражения подчинительных отношений, когда наряду с ДС появляются конкурентные формы - придаточные предложения с соответствующими союзами.

Переосмысление оборота в сторону сближения с придаточными предложениями в исследуемых текстах проявляется во введении в состав оборота временных локализаторов, формально фиксирующих темпоральное значение: *въ лето же оно по бездождю глагоу великоу належашоу ... блаженши же Михаил глагола къ игоуменоу* (ЖтМК). Однако наиболее показательны в этом отношении случаи, когда в состав дательного самостоятельного вводится союз *егда*: *егда же влекоущимъ имъ мрежоу, прииде предъбреченнии Григоріе и начать бити единого от ловецъ* (ЖтМК).

Наконец, выразительнейшей особенностью книжного языка XVI - начала XVII вв. в сравнении с веком XV является так называемое "нанизывание" - цепочки дательных самостоятельных, характерные и для других жанров литературных произведений этого времени [Ремнева, 1995]. В таких сложных синтаксических целых исследуемый оборот функционально близок самостоятельному предложению и выполняет сугубо стилистическую функцию.

Второстепенные члены предложения в системе литературного языка исторически развивались в придаточные предложения. Иерархичность, организованная системой глагольных времен, сменяется гипотаксисом, выраженным с помощью союзов. Причастные обороты, синкретичные по своей грамматической семантике, представляют собой переходную стадию между данными этапами развития перспективы предложения. Текст же, взятый как проявление жанра в определенный период его развития, демонстрирует участие синтаксических единиц в смысловом и структурном членении текста, которое сопровождается перегруппировкой их значений. Важно, что средства синтаксической подчинительной связи исходно были также семантически синкретичными и развивались от отождествления с предметом через этап функционирования в качестве средства выделения признака предмета к средству оформления суждения - от слова к предикативной единице и, наконец, к сочетанию предикативных единиц.

Средоточием и, вместе с тем, частным проявлением этих узловых моментов истории литературного языка, языковой чертой, признанной безоговорочно книжной и для XVI в., и для более ранних периодов развития литературного языка, является употребление относительных местоимений *иже, яже, еже* в качестве средств подчинительной связи.

Признак указательности исконно был выражен здесь местоименной основой и в более широком категориальном смысле означал определенность названного предмета, выделение из ряда подобных. Переходом от указательности к производному значению служило их употребление в смысле местоимений анафорических, указание не на видимые, а упомянутые предметы. Такое указание требует непременно двух предложений: в первом называется самый предмет, во втором высказывается относящаяся к нему второстепенная мысль, причем стоящее во главе его анафорическое местоимение показывает тождество предметов речи в обоих предложениях [Корш, 1877]. Усилительная частица *же* постепенно развивала значение союза, выделяющего тот член предложения, который вынесен на первое место во втором компоненте сложного предложения.

Следовательно, указательно-выделительное местоимение, в отличие от союза или союзного слова, выделяло имя. Не случайно функциональная связь артикля и относительных слов была отмечена в первых грамматических трактатах XVII в. в особой главе «Различие» [Успенский, 1994]. Следует отметить, что авторы этих сочинений под «различием» понимают не всякое *иже* или *еже*, а употребленное в специфических конструкциях, когда относительно-указательные слова выполняли выделительную функцию с целью уточнения, акцентирования в рамках субстантивного словосочетания: *Иосиф же посла его и приказа ~~мѣста~~ искати, яже кь оугодію* (ЖТИБ); *оле того злобы еже к намъ* (ЖТПБ); и *~~мѣсто~~ преизящному подвигу и любви еже к Богу* (ЖТГП, стб. 2282). Такие конструкции встречаются по-

всеместно в житиях Великих Миней Четых, зафиксированы они и в более ранних текстах [Преображенская, 1991].

В славянских переводных текстах подобные структуры соответствовали предложным субстантивным группам, характеризующими имя существительное. Использование *иже* в выделительной функции следует из генетического сходства его с артиклем, также восходящим к указательному местоимению [Дубровина, 1991]. В структуре придаточных предложений, значение которых можно определить в целом как относительное, рассматриваемые служебные слова соотносились с сочетанием греческого относительного местоимения *os* и усилительной частицы *te*. Радикальное отличие славянских местоименной формы состояло в отсутствии полного согласования со стержневым существительным.

В связи со спецификой логических связей, в целом близких к выделению признака предмета или явления, относительные слова становились в них универсальным книжным средством синтаксической связи. Придаточные при этом обычно характеризуются постпозицией по отношению к определяемому слову. Соотношение лексикализованных и грамматикализованных форм союзных слов представлено как 2:1. Синтетические формы последовательно употреблены в разных по времени создания житиях: *и съ ними отецъ Иосифъ. иже роукама святого постригаемъ бываешь* (ЖтПБ); *и другиѣ братъ Васинъ, иже бысть архіепископъ в Ростовѣ* (ЖтИВ). Причина регулярности употребления правильных синтетических форм в житиях на фоне системной утраты ими согласования и специализации в данной функции неопределенно-выделительных местоимений *кто*, *что*, *которъ* особой выделительной семантикой по сравнению с бывшими вопросительными словами.

Так называемые *дополнительные с* относительным значением — также древнейший способ соотнесения предмета и его свойств. Семантика союзных слов здесь грамматически абстрактна, отсюда в качестве средства синтаксической связи предпочтение относительного местоимения среднего рода *еже*: *по Господню гласу еже (иже) рече первѣе къ Иисусу* (ЖтПБ); *вѣдая будите яко не имат совершити совѣтъ вашъ, еже (иже) врагъ всѣя въ сердца ваша* (ЖтМК). Закреплению в относительной функции местоименной формы среднего рода способствует адекватность ее в качестве способа выражения отвлеченности в силу своей родовой семантики. В результате относительные местоимения в минейных житиях выступают уже не в роли союзных слов, но представляют собой служебную неизменяемую часть речи - союз - и используются как средство связи предикативных единиц, объединенных многообразными логическими отношениями

В целом же тексты житий ВМЧ наглядно демонстрируют разведение исторически различных сознаний относительного местоимения в зави-

симости от его функций в тексте на фоне формирующихся синтаксических отношений в развивающейся системе языка. Рассмотренные формы способствуют аналитическому снятию семантического синкретизма в перераспределении функций и специализации данных средств в развитии структуры суждения. Исходно синкретичные по своей грамматической семантике языковые единицы в условиях стабилизации жанра, являющегося «анфиладным», характеризовались амбивалентностью: внешне играли роль топоса, своего рода риторической фигуры (модели создания текста), внутренне же, под давлением развивающейся языковой системы изменяя функции (но не форму), отражали динамику литературного языка.

В заключении подводятся итоги исследования, делаются общие выводы. В атмосфере государственного строительства и гармонизации отношений светской власти и церкви понятие о святости уточняется в признаках, исходящих извне, диктуемых реальной исторической действительностью. Агиографическая традиция, сложившаяся в эпоху Киевской Руси, при митрополите Макарии актуализируется и развивается в направлении усиления социально-исторического, а в некоторых случаях - административно-государственного аспекта в проявлении святости.

С середины XVI в. логика сакрального (абстрактного) уточняется логикой земного (конкретного), усилению последней способствует включение в состав жития деловых источников, которые по логической манере изложения соответствуют требованиям простоты. Таким образом, житийные тексты цикла становятся средоточием языковых особенностей, с одной стороны, обусловленных диахронически (разные состояния одного языка), с другой - генетически (синхронные функциональные разновидности литературного языка).

Формальная избыточность текста воспринимается как искусственность, риторичность изложения, однако в процессе разработки понятия, в движении от его объема к содержанию, усложненность формы - такая же логическая форма постижения идеи святости, соответствующая идее «простоты», как и включение в глоссы обиходных слов. Риторика предстает как функционально обоснованный язык, создающий логические признаки понятия.

Таким образом, стиль, как и жанр, в рассматриваемых текстах, в конкретных языковых особенностях является производным от функции и поглощается текстом. Отсутствие стилистической дифференцированности языковых средств базировалось на единстве языковой системы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Жития «Макариевского цикла»: жанр - стиль - язык. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 200 с.

2. К характеристике словесных рядов в «Житии Стефана Пермского» // Вестник ЛГУ. 2002. Серия 2. Вып. 3. Л., 1988. С. 104-108.

3. «Плетение словес» как способ организации текста // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: Текст. Коммуникация. Перевод. Тезисы научно-практической конференции, 27-30 сентября. Казань, 1989. С. 156-158.

4. К проблеме выявления стилистических вариантов в литературном языке // История русского литературного языка старшей поры: основные проблемы и перспективы исследования. Тезисы докладов на научно-координационной конференции, посвященной Тысячелетию введения христианства на Руси, 988-1988, 31 января - 2 февраля 1989 г. М., 1989. С. 88-90.

5. Семантическая поляризация и семантическая компрессия как принципы организации текста типа «плетение словес» // Историческая стилистика русского языка / Под ред. З. К. Тарланова. Петрозаводск, 1990. С. 103-111.

6. Словесный ряд как способ развития текстовых формул // Художественный текст: единицы и уровни организации. Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1991. С. 158-170.

7. Чужая речь в средневековом тексте // Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникации. Тезисы докладов республиканской научной конференции, 17-19 мая 1992 г. Омск, 1992. С. 60-61.

8. Язык русских деловых памятников XV-XVIII веков: Фонетический, орфографический и стилистический аспекты. Омск, 1993. 96/16 с. (В соавт. с Р. М. Гейгером и Б. И. Осиповым).

9. Категория времени в книжной полемике XVI-XVII веков // Славянские чтения. Духовные ценности народа. Материалы научно-практической конференции, 23-24 июня 1996 г. Омск, 1997. С. 175-177.

10. Поляризация эстетических взглядов в русской культуре XVII века // Филологический ежегодник. Вып. 1. Омск, 1998. С. 55-59.

11. Когнитивная сущность временных псевдоформ в житиях «Макариевского цикла» // Язык. Человек. Картина мира. Материалы всероссийской научной конференции, 27-29 сентября 2000. Омск, 2000. С. 58-62.

12. Узуальное употребление временных глагольных форм в житиях «Макариевского цикла» // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции, 11-13 июня 2000 г. Великий Новгород, 2000. С. 258-259.

13. Грамматическая норма житийных текстов «Макариевского цикла» (на материале «Жития Иосифа Волоцкого») // Филологический ежегодник. Вып. 3. Омск, 2000. С. 29-32.

14. Агиографический тоpos в житийных текстах Великих Четых Миней: диахронический и синхронный аспекты // Вестник ОмГУ. Вып. 4. Омск, 2000. С. 84-88.

15. Функции форм *praesens historicum* в житийных текстах «Макариевского цикла» // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2000. С. 69-77.

16. Стилистика грамматических форм в житиях «Макариевского цикла» // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 1-17 марта 2001 г. СПб, 2001. С. 39-43.

17. Преобразование высокого стиля: языковые традиции и новации // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 1 (№ 2). С. 79-85.

18. Формы двойственного числа в житиях Макариевского цикла // Вестник ОмГУ. Вып. 4. Омск, 2001. С. 75-78.

19. «Простая речь» в жанре четьего жития: прием пояснения // Бодуэновские чтения. Международная научная конференция, 11-13 декабря 2001 г. Труды и материалы. Т. 1. Казань, 2001. С. 92-93.

20. Употребление *иже, яже, еже* в житийных текстах «Макариевского цикла» // НДВШ. Филологические науки. 2002 г. № 1. С. 89-99.

21. Оборот «дательный самостоятельный» в житийных текстах «Макариевского цикла» // Вестник ОмГУ. Вып. 3. Омск, 2002. С. 75-78.

22. Особенности выражения языковой личности в XVI в.: (коммуникативно-прагматический аспект) // Филологический ежегодник. № 4. Омск, 2002. С. 152-156. (В соавт. с О. В. Поповой).

23. Риторика агиографического текста (на материале житий «Макариевского цикла») // Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, 11-16 марта 2002 г. Вып. 3. СПб, 2002. С. 54-57.

24. Речемыслительная функция языка в период стабилизации культуры // Язык. Время. Личность. Материалы международной научной конференции, 5-8 декабря 2002 г. Омск, 2002. С. 434-439.

25. Книга Великих Четых Миней и Макариевские жития: историко-текстологический и стилистический комментарий // Вестник ОмГУ. Вып. 4. Омск, 2002. С. 60-64.

26. Функции слов *иже, яже, еже* в житиях «Макариевского цикла» // Материалы XXXII международной филологической конференции. 11-15 марта. СПб., 2003. С. 28-32.

27. Проблема ментального анализа древнерусского текста // Языковая система - текст - дискурс: категории и аспекты исследования. Материалы всероссийской научной конференции, 18-19 сентября 2003 г. Самара, 2003. С. 88-92.

28. Житийные тексты «Макариевского цикла»: жанр и стиль. Научный доклад. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 23 с.